

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пролог	7
1. ПЕРВЫЙ ШАГ	10
2. МИСТИК	20
3. АКЦИИ И БОГ	41
4. ПЕРВЫЙ ПОЛЕТ	60
5. ОТ \$15 ДО \$250 000	77
6. «ПОРШЕ» И КОЕ-ЧТО ЕЩЕ	105
7. ОТРЕЧЕНИЕ	123
8. СИДДХ	135
9. ОТПУСКАЯ ВСЕ	147
10. «ДЖИ, БАБА»	162
11. СОБАЧЬЯ ЖИЗНЬ	177
12. В ПЕЩЕРЕ	191
13. ГИМАЛАЙСКИЕ ЛЕСА	209
14. РЕАЛИЗАЦИЯ	236
15. ВЫХОД ЗА ПРЕДЕЛЫ	246
Эпилог	261
Благодарности	265
Об авторе	269

Пусть мы будем только благое слышать ушами и только благое видеть глазами. О, Божественное, пусть будем вести жизни, наполненные здоровьем и удовлетворенностью, и петь Тебе хвалы, пока длится жизнь, нам дарованная.

(РИГВЕДА 1.89.8)

ПРОЛОГ

На мой взгляд, мы довольно-таки странный биологический вид. Нам почти все время хочется не того, что у нас есть, а чего-то другого. Потенциал альтруизма в нас так же огромен, как и потенциал эгоизма. Я знаю, о чем говорю, поскольку всегда считал себя добрым человеком и никак не ожидал, что могу причинять боль своим любимым. Однако, охваченный сильными желаниями, я легко, словно играючи, сделал именно это в отношении близких мне людей.

Однажды утром я проснулся, собрался, ушел на работу — и вечером не вернулся домой. Вместо этого я сел в поезд, и тот увез меня прочь от всей моей стабильности, от всего моего имущества и от людей, которых я любил. Я ни намеком не предупредил родных, просто взял и уехал, хотя прекрасно сознавал, что прохожу в этот момент точку невозврата.

Не скажу, что я не думал о чувствах своих близких. Такие мысли возникали, но я старался не давать им ходу, потому что слышал внутренний зов и должен был без промедления на него откликнуться.

Я больше не желал вставать по утрам, весь день работать, возвращаться вечером, ужинать и ложиться спать — не важно, что так поступают все и что это считается нормальной жизнью. Кто вообще решает, что нормально, а что нет? Если жить по правилам, созданным другими людьми, и соблюдать все их условия, то в чем же тогда смысл *моей* жизни, в чем моя личная цель — если таковая вообще существует?

Все предшествующее десятилетие я по крупицам накапливал деньги и всякое добро. Но в сухом остатке все банковские счета, имущество и машины — всего лишь мертвые безделушки. Они были такими всегда. У меня не было их при рождении, и я точно не возьму их с собой после смерти. Ради чего же мы так стараемся? И стоят ли наши цели таких усилий?

Бесчисленное количество раз я утешал себя обещанием, что однажды найду смысл жизни, но с годами оно потеряло свою успокоительную силу — его заглушили повторяющиеся вопросы, которые барабанной дробью звучали в голове. С каждым ударом их звук становился все громче и ближе. Он начал поглощать всю окружающую меня музыку: мелодичное пение птиц, шум дождя, сочувственные слова моей мамы и заботливые советы отца; обычные звуки меня уже не волновали и тем более не радовали.

Оставляя позади все, что я успел создать, разрушая все, что успел построить, и покидая всех, кого успел узнать, я не питал никаких сантиментов по отношению к своему прошлому. Оно было неинтересным и чужим. Как расцвет все больше стирает память о ночи, так и этот отъезд из материального мира стер всю мою жизнь, какой я ее знал.

Из интернет-кафе я отправил сообщения семье и друзьям — написал, что уехал и не знаю, когда вернусь и вернусь ли вообще. Не ощущая никаких эмоций, я удалил свою учетную запись, выбросил сим-карту, отдал кому-то телефон и распрощался с той материальной жизнью, которую вел три десятилетия. Сбрасывая ярлыки, которые раньше определяли меня — «сын», «брат», «друг», «генеральный директор», «бакалавр», «коллега», — я вышел из кафе и из старой кожи.

Новое бытие ощущалось как полная нагота — нет, не в физическом отношении, а в том, что я был никем и у меня не было ничего, даже имени и личных данных. Так живут монахи. Только в этом состоянии, которое можно назвать пустотой, я мог наполнить себя тем, чего так отчаянно искал — истинной внутренней жизнью.

1

ПЕРВЫЙ ШАГ

Расплатившись в гостинице, я вышел на людную улицу. Поискав глазами велорикшу, я помахал ему.

— Куда? — спросил водитель.

— На гхат.

— На какой? Их много.

К этому вопросу я был не готов. Откуда мне знать, сколько в Варанаси гхатов?

— Ну отвези меня на любой из них.

— Сэр, я не могу просто отвезти вас в первое попавшееся место. Вы же тогда скажете, что вам не сюда.

— Хорошо, назови какой-нибудь гхат.

— Дашашвамедха-Гхат.

— Отлично, вези меня туда.

Я не пользовался велорикшами с 1995 года. Тогда, 15 лет назад, я был подростком, и меня, теоретически, и практически, увлекало материальное. Сейчас, в тридцать лет, я развернулся ровно в противоположную сторону. Транс-

портное средство осталось тем же — просто поменялось направление; человек был тот же, но изменились его приоритеты.

Я предполагал, что направляюсь к тихому речному берегу — надо же было так ошибиться! На набережной толпилось невиданное количество людей — как сбивчивые мысли в голове, как муравьи вокруг мертвого жука.

Индия мне была не в новинку: в этой стране я прожил первые 18 лет своей жизни. Но почему-то я наивно ожидал увидеть в Варанаси другую Индию. У меня в голове прочно засел старый образ, взятый не из жизни, а из прочитанных мною средневековых текстов: древний город на Ганге под названием Каши, где на каждом шагу встречаешь ученых, святых, тантриков, йогинов и других духовных персонажей.

Я немного побродил без цели. Когда-то я слышал о Теланге Свами, просветленном, который жил в Каши столетие с лишним назад. Мне помнилось, что в том месте, где он ушел в самадхи, должен находиться монастырь. Воображение рисовало мне тихий прибрежный храм, вокруг которого в тени баньяновых деревьев восседают благородные садхаки и фокусируются на своей садхане под руководством почтенного гуру. Я расспрашивал встречных, но никто не слышал об этом монастыре.

Тогда я решил добраться до единственного места, название которого мне запомнилось — Маникарника-Гхат. Там, над рекой, находится кремационная площадка, на которой круглосуточно сжигают тела умерших. Я надеялся увидеть там какого-нибудь тантрика, который сидел бы и выполнял эзотерические ритуалы перед пылающими кострами. Я выдвинулся обратно к главной улице и там остановил другого велорикшу. Приближался полдень, и уже стоял жгучий зной. Я твердил себе, что сейчас всего лишь середина марта, но этот интеллектуальный бальзам не мог остудить мое тело.

— Отвезешь меня на Маникарника-Гхат?

— Да, сэр, но я не смогу доставить вас прямо на место. Довезу до ближайшей точки, а дальше вам придется пройти пешком.

— Сколько?

— Двадцать рупий.

Я запрыгнул на сиденье, и коляска медленно, но верно покатила в плотном потоке машин и повозок. Пару раз моему водителю приходилось соскакивать на землю и вручную протаскивать сквозь толпу свое транспортное средство. Я заметил, что он шел босиком — как будто не было ни палящего солнца, ни раскаленного, как угли, асфальта.

— Почему ты без шлепанцев?

— Я их купил, но в тот же день их украли у входа в храм.

— Я не знаю этот район. Останови, пожалуйста, возле обувного магазина. Хочу купить тебе новые шлепанцы.

— Я справлюсь, брат.

— Как тебя зовут?

— Махеш Кумар.

— Не волнуйся, Махеш, поездку я тоже оплачу.

Через пару минут я заметил маленькую обувную лавку. Махеш не очень хотел останавливаться, и мне пришлось буквально приказать ему это сделать. Спрыгнув на землю, я жестом позвал его за собой. Он смущенно повиновался.

— Добрый день, сэр, — сказал продавец и предложил мне сесть.

Я кивнул Махешу, опасливо стоящему у порога, и указал ему место рядом с собой на топчане. Он сел с явной неохотой.

Молодой продавец принес мне воды.

— Дайте ее Махешу, — сказал я. — Это он сегодня ваш клиент.

После этого я обратился к своему спутнику:

— Хочешь сандалии вместо шлепанцев? Они, наверное, лучше.

— На ваше усмотрение.

Продавец ушел в дальний угол магазина и вернулся с парой сандалий. Бежевые, с коричневыми ремешками и блестящими стальными пряжками, они выглядели очень удобными. Парень протянул сандалии Махешу.

— Пожалуйста, наденьте их ему на ноги, как любому другому клиенту, — вмешался я.

Махеш тревожно глянул на меня. Я посмотрел ему прямо в глаза и кивнул. Внезапно его лицо озарилось улыбкой, и он вытянул ноги, позволяя продавцу надеть на них сандалии. Я рассмотрел его темнокожее лицо с красивыми, правильными чертами, его неровные желтые зубы и большие счастливые глаза — и мне стало очень тепло. Его улыбка украсила мой день.

Теперь Махеш крутил педали с другим энтузиазмом, и его пыльные натруженные ступни в новеньких сандалиях как будто ожили. Я наблюдал за движениями его ног и педалей, и все остальное на время отступило: магазины, шум и жара. Я ничего не видел, кроме этих ступней, исполняющих какой-то космический танец. Вот педаль движется вверх, а потом вниз; все движется синхронно и без усилий.

Махеш привез меня в ближайшую точку к Миникарника-Гхату.

— Когда опять пойдешь в храм, не оставляй обувь у входа, — сказал я на прощание.

— Хорошо, не буду, — ответил он.

Я протянул ему купюру в 50 рупий.

— Сэр, как я могу взять с вас деньги?

— Возьми, пожалуйста. Я буду очень рад.

Он обошел вокруг коляски и опустил на колени, чтобы прикоснуться к моим ступням. Я схватил его за запястья и поднял обратно со словами:

— Кланяться нужно только в трех случаях — перед Богом, пожилыми людьми и твоим гуру.

.....

Никто не заслуживает такой жизни,
которая разрушает тело и дух.
Этот человек живет
в демократической стране,
но стал ли он от этого свободным?

Я вложил купюру ему в ладонь и пошел вперед, думая, что Махешу не подходит профессия велорикши. Он мог бы стать клерком, охранником, офицером или менеджером. Никто не заслуживает такой жизни, которая разрушает тело и дух. Этот человек живет в демократической стране, но стал ли он от этого свободным? Государство его не защищает, а соплеменники не уважают. Он не свободен иметь крышу над головой и не может вырваться из своей изнурительной и монотонной повседневности. Очевидно, Махеш не знает слова «отпуск»; вряд ли ему известно, что такое роскошь — разве что «роскошь нужды». Его нужде не будет конца. Если вдуматься, между Махешем и мной нет разницы: мы оба сильно нуждаемся. Просто его нужды осязаемые и жизненно важные, а мои — абстрактные и добровольные.

Я постепенно пробирался к набережной. Вряд ли где-нибудь еще в Индии есть такие же узкие улочки, как в Варанаси. По крайней мере я таких не видел. Если у вас длинный нос, то, неловко повернув голову, вы наверняка что-нибудь заденете. Не знаю как, но в итоге я все-таки вышел на Маникарника-Гхат.

Там горел один костер и рядом догорал другой — среди тлеющей золы тут и там вспыхивали янтарные языки пламени. Вокруг виднелись глиняные черепки от разбитых сосудов. По индуистской традиции во время кремации нужно разбить кувшин с водой; это знак того, что душа умершего отсекла все связи с человеческим миром. Кувшин символизирует тело человека, а вода в нем — душу. Когда сосуд разбивают, душа освобождается.

Я не нашел там ни мудрецов, ни специалистов по оккультным наукам, ни высокоразвитых тантриков или йогов, которые кивнули бы мне, призывая следовать за ними к самоосвобождению. Вместо святых вокруг костров сидели торговцы, которые продавали дрова, листья бетеля и чай. Повсюду бродили бесчисленные люди, коровы, собаки и кошки.

Гхат меня разочаровал, и я снова начал расспрашивать о монастыре Теланга Свами. Из множества людей, к которым я подходил, всего один знал, о чем речь. Он указал мне направление. Я снова прошел по узким улицам между дряхлыми зданиями, готовыми рассыпаться в прах, и лавчонками, в которых продавалось все на свете. Увертываясь от суматошного транспорта, я брел по извилистым переулкам мимо домов, стоящих вплотную друг к другу, и детей, играющих рядом с припаркованными мопедами, и изо всех сил старался не наступать в лужи коровьей мочи и в кучи навоза.

Спустя 45 минут, усталый и потерявший надежду, я остановился. Я не нашел ни монастыря, ни людей, которые хоть когда-нибудь его видели. Присев на бордюр, я вытер пот со лба и задумался над тем, что делать дальше. Через пару минут я поднял глаза — прямо возле меня, чуть правее, висела табличка с надписью на хинди: «Теланг Свами Матх». Это был храм.

Я вошел внутрь. На месте, предназначенном для пуджари, сидел мужчина средних лет. У него все было круглым: голова, лицо, торс, живот, руки и ноги. Вслед за мной вошел парикмахер; он достал из сумки свои инструменты и начал брить

священника. Я тихонько ждал, наслаждаясь прохладой храма после удушливой городской жары. Через несколько минут парикмахер собрал свои вещи и ушел, не взяв никаких денег; видимо, у них был какой-то договор о постоянном обслуживании.

Я стал спрашивать священника о Теланге Свами, о его преемниках и монастыре. Тот сказал, что никакой линии преемственности не осталось. Ашрама тоже нет. Единственное, что есть — этот храм, но в нем нельзя жить, даже если вы способны платить за жилье.

Я чувствовал себя так, будто меня предали, хотя точно не знал, кто именно предатель.

— Вот здесь похоронен Теланг Свами, — круглый священник показал на дальний угол храмовой территории.

Я направился к могиле Теланга Свами, повторяя молитву: «Прошу, направь эту заблудшую душу, о Свами, чтобы я достиг того, за чем пришел».

Когда я собрался уходить, священник спросил, чего я, собственно, ищу. Я ответил, что приехал сюда в поисках гуру, поскольку хочу принять саньяса-дикшу монашеское посвящение. Он сказал на это, что мне не нужно принимать монашество, отречься от мира и искать гуру, а нужно жениться и жить нормальной жизнью.

Нормальной жизнью? Но ведь нет ничего такого, что можно назвать нормальной жизнью. То, что нормально с одной точки зрения, будет совершенно не нормальным с другой. Йогин скажет вам, что весь мир ненормальный, а люди ведут себя как животные, думая лишь о еде и размножении. А мир скажет, что йогин — балбес, который впустую просживает штаны и вдобавок упускает столько возможностей насладиться жизнью.

Естественно, священнику я ничего такого не сказал. Не было смысла углубляться в беседу с человеком, который не способен понять ни мое отчаяние, ни мои мотивы.

Я вернулся к гхатам. Было около трех часов дня, и солнце жгло еще сильнее. Я не ел уже почти сутки. Утром мне не удалось найти ни одного заведения, в котором продавалось бы что-нибудь не жареное. В середине дня меня поглотили проблемы самореализации. Я уже пару часов не пил воды, и теперь желудок сигнализировал мне о реальности голода.

Не особо ориентируясь в пространстве, я не понимал, куда иду — к Ганге или от нее. Когда число людей на улицах существенно уменьшилось, я понял, что направление выбрано неверно. Однако впереди находилось несколько гостиниц, и я стал заходить в них в поисках свободной комнаты. Мне просто хотелось полежать в прохладном и тихом месте. Удивительно то, что в каждой гостинице мне задавали одни и те же вопросы — откуда я приехал, сколько нужно кроватей и на сколько дней, — а потом говорили, что у них все номера заняты. Это меня заинтриговало. Зачем нужна вся эта куча вопросов, если у вас все равно нет свободных комнат?

Я продолжал путь и вскоре оказался на берегу реки. В индуистских текстах много говорится о сакральном значении «Ганги Майи». Однако ее «дети» загрязнили Майю до невообразимости. Глядя на ужасное состояние реки, которая текла мимо меня, я качал головой от брезгливости и недоверия. Я видел Гангу в ее верхнем течении, до Харидвара, и там она была чистой; что же происходило здесь, в самом священном из всех городов, в Каши из моих фантазий? Я решил, что не буду здесь купаться. Однако в глубине души я выразил почтение «священной Ганге». Мама есть мама, как бы она ни была одета.

— Массаж?

Я посмотрел на стоящего передо мной мужчину.

— Мне нужен не массаж, а гид.

— Конечно, сэр. Я буду вашим гидом.

— Вы хорошо знаете этот район?

— Да, сэр.

— Сколько вы берете за услуги? Вы будете нужны мне до вечера. И может быть, завтра тоже.

— Можете заплатить мне сколько захотите.

— 250 рупий в день?

— Хорошо, сэр.

— Пойдемте.

— Я возьму вашу сумку, — любезно предложил он.

Только через несколько минут я осознал, что больше не несу никакой груз. Есть такое свойство у багажа — вы привыкаете повсюду таскать его на себе. Вы понимаете, что он много весит, но каким-то образом его вес становится частью вашей жизни. Только сбросив груз с плеч и ощутив легкость, вы вдруг осознаете, насколько он был тяжелым.

Мой новый проводник Маниш показал мне пару гостевых домов, и там мне задали все те же вопросы. В итоге он объяснил мне причину загадочного поведения гостиничных менеджеров: когда они не заняты работой и не смотрят крикет по телевизору, им очень хочется проводить время в общении с людьми. Свободных комнат нет, но поговорить с незнакомцем все равно приятно.

Не особенно преуспев в своих поисках ночлега, я попросил Маниша ответить меня в какой-нибудь крупной отель, но проводник ответил, что таких здесь нет. Тут я понял, что он на самом деле не знает город; просто он мне соврал. Но, как бы там ни было, я уже умирал от голода. Мы ухитрились отыскать джайнское кафе-дхабу, где готовили вегетарианскую еду без чеснока и лука. Я старался избегать этих продуктов, так что рецепты мне понравились — но сама еда оказалась безвкусной. Однако я был слишком усталым, чтобы

жаловаться, и вдобавок у меня болела голова. Так что я проглотил то, что было на тарелке, в то время как мой гид явно ел с удовольствием. Выйдя из дхабы, я купил в ближайшем киоске две бутылки охлажденной воды. Открыв первую, я вымыл лицо и остаток воды вылил на голову. Вторую бутылку я выпил залпом.

К шести часам вечера мы наконец решили вопрос моего ночлега — для меня нашлась комната в «Пуджа Гест Хаусе». Прощаясь с Манишем, я попросил его прийти на следующее утро.

Теперь у меня была комната, но спать я не мог из-за усталости и обезвоживания, о котором ясно свидетельствовал цвет моей мочи. Вот какой я, оказывается, хрупкий. Были времена, когда я каждый день играл в бадминтон, время от времени брал уроки гольфа, поднимал штангу и регулярно устраивал 20-километровые пробежки. Однако сегодня я провел всего один день в «реальном мире» — и вымотался до предела. Очевидно, что, уповая на свою спортивную подготовку, я просто льстил самому себе.

Я осознал, что физически совсем не готов к трудностям монашеской жизни. Если даже дневная жара кажется мне невыносимой — есть ли у меня шансы выдержать аскезу и строгий режим медитации? Я понятия не имел, как подготовить тело к такой суровой практике. Конечно, я понимал, что жизнь сама преподает все уроки. Нужно только быть открытым и готовым учиться.

Я лежал и думал о своем, пока еще мирском, пути.

2

МИСТИК

Моя мать выросла в глубоко религиозной среде и привыкла с почтением относиться к религиозным деятелям. Она не упускала возможности участвовать в даршанах с мистиками и святыми, которые посещали наш город.

Однажды в обеденный перерыв она вышла с работы, чтобы получить благословение одного необычного святого, о котором ей много рассказывали. Говорили, что он вообще не спал и даже не моргал. Он почти непрерывно хранил молчание. Вечно оставаясь в пути, он нигде не ночевал больше одной ночи и не возвращался в те города, в которых уже побывал.

Едва увидев мою маму, святой сказал ей:

— В месяце Маргаширша, на растущей луне, ты произведешь на свет необычного человека.

Мама не привыкла сомневаться в словах мудрецов, но это было совсем не то благословение, какого она ожидала от святого, известного своим постоянным молчанием.

— Бабаджи, у меня уже есть двое детей.

— Это не важно, — ответил он. — Один из нас придет после долгого ожидания. Святой.

У мамы сжалось сердце. Один из них? Святой? Значит, рано или поздно он отречется от обычной жизни и уйдет. Она опустила голову и сидела молча, пытаясь успокоиться.

— Да, он отречется, — мудрец как будто читал ее мысли. — Когда он родится, вспомни обо мне и приложи к его губам листья туласи — это будет мое подношение.

Мама поклонилась ему и собралась уходить. Ее мысли путались. Она считала, что состав ее семьи уже оптимален и рожать третьего ребенка нет необходимости. Вдобавок мысль о том, что она все равно потеряет этого ребенка, поскольку он станет бродячим садху, казалось невыносимой.

— Ты всего лишь посредница. Не сопротивляйся мудрости Божественного, — добавил мистик и протянул маме щепотку священного пепла. — Съешь это в день экадаши. Когда ребенок родится, все увидят дождь из цветочных лепестков и радугу.

Мое рождение было хотя и предсказанным, но совсем не запланированным, как потом признался отец. Первого сына они с мамой потеряли; потом у них родились еще мальчик и девочка, и у них не было ни планов, ни надежд на появление третьего. Тем не менее через пятнадцать месяцев после предсказания, на 12-й день Маргаширша, при растущей луне, я родился в государственной больнице.

Дождик утром был обычный, и длился он недолго; а радуга и вовсе не появилась. Роды прошли стремительно: отец и другие члены семьи не успели даже доехать до больницы. Традиционный обряд гутти, когда дядя по отцовской линии дает новорожденному немного меда, вместо папиного брата провела медсестра. Однако мама не забыла про туласи. Она

выдавила пальцами немного сока из листьев этого растения и смочила мне губы. Через полчаса пришел отец и дал мне имя «Амит».

В надежде, что жизнь сложится не так, как было предназначено книгой судеб, мама никому не говорила о предсказании мистика. Только спустя более тридцати лет, уже после того, как я принял монашество, она увидела меня в шафрановых одеждах и наконец раскрыла свой секрет.

Время шло. Мне исполнилось пять лет. В один из дней начались летние каникулы. Родители были на работе, а меня с братом и сестрой оставили дома. Раджан и Диди играли во дворе, но мне эти игры были не интересны, и я искал какое-нибудь другое занятие. В гостиной стоял большой сервант; покопавшись в нем, я обнаружил на нижней полке стопку комиксов. Охваченный любопытством, я сел на пол и начал листать цветные страницы.

Меня увлекли интересные иллюстрации, хотя читать сплошной текст я тогда еще не умел. Однако, присматриваясь к речевым пузырям, я с удивлением заметил, что написанные в них буквы постепенно сами собой складываются в слова, а из слов формируются фразы. То был мой первый опыт чтения предложений.

Каждый вечер перед сном мама рассказывала мне сказки, но сейчас я вдруг открыл для себя целый мир новых историй. Я сидел, читал и смеялся, потому что каждое слово наполняло меня невыразимой радостью. Казалось, автор обращался лично ко мне. Я чувствовал себя так, будто иду с кем-то за руку по темному лесу и дорогу нам освещает фонарь, который мой спутник держит в высоко поднятой руке. С каждым шагом луч фонаря выхватывал из пространства впереди целые новые миры. Так я сидел и читал, пока утро переходило в день.

Потом пришла Диди и предложила мне поесть, потому что было время обеда. Я не отозвался. Я хотел не есть, а читать истории. Сестра приходила все снова и снова, и я каждый раз отнекивался. Ей тогда исполнилось всего 11 лет, но она была самой старшей из нас, а потому ответственной за то, чтобы накормить меня обедом, который мама готовила утром, перед уходом на работу.

— Уже четыре часа дня. Тебе нужно пообедать.

Я продолжал читать.

— Амит!

Я не отвечал.

— Амит! Я с тобой разговариваю!

— Я не хочу есть.

Она потрепала меня по щеке и сказала:

— Скоро вечер. Пожалуйста, съешь что-нибудь.

Она знала, что меня невозможно силой заставить что-либо сделать — даже если это в моих интересах. Единственным способом убеждения была любовь.

— Ладно, через пять минут.

— Ты весь день это говоришь.

— Через пять минут, честно.

Через полчаса Диди еще раз попыталась счастья, и снова с тем же результатом. Но больше она этого выдержать не могла. Разогрев обед, сестра принесла его мне на тарелке.

— Я не голоден, — произнес я, не глядя.

— Поешь, пожалуйста. Скоро придут папа и мама.

— Я хочу дочитать комиксы, Диди. Не мешай, пожалуйста.

Она отломала кусок чапати, положила на него овощи и бобы и поднесла к моему лицу. От аппетитного запаха мой рот наполнился слюной, и я разомкнул губы, что позволило сестре протолкнуть между ними еду. Не знаю, сколько лепешек она скормила мне таким образом, но я съел все. Потом поце-

ловал ее в щеку и вернулся к чтению. То был мой любимый обычай — по утрам и вечерам целовать в щеку маму и сестру. В те дни, когда у меня было хорошее настроение, я делал это чаще. Они заботились обо мне с великой любовью, и рядом с ними я чувствовал себя счастливым и защищенным.

Поднявшись с пустой тарелкой в руке, Диди сказала:

— Я рада, что ты поел. Для мамы это будет облегчением.

Наши родители работали в одной правительственной организации, хотя и в разных отделах. На протяжении почти тридцати лет они вместе выходили из дома утром и вместе возвращались по вечерам. Отец ездил на мопеде, а мама боком, по-женски, подсаживалась к нему сзади. Патиала тогда была небольшим городом: до офиса родители доезжали всего за четверть часа. Они работали там же, где и половина населения города — в государственном управлении электроэнергетики (вторая половина трудилась, кажется, в национальном банке).

Однажды мы впятером, всей семьей, вышли в город на ужин. Рядом с рестораном находился магазин, у входа в который виднелась стойка с журналами и комиксами, а внутри все пространство от пола до потолка занимали полки с книгами. До этого я не догадывался о существовании таких мест, и теперь меня потряс вид книжных полок. Я был кусочком металла, а передо мной находился громадный магнит. Сопrotивляться было бесполезно: я больше ни о чем не мог думать. Ужин, ресторан, семья — все это перестало иметь значение. Я должен был пойти в этот магазин и получить все желанные комиксы. Отец обещал отвести меня туда после еды, но ждать было невыносимо. Я настаивал на том, чтобы пойти немедленно, и он в конце концов сдался.

До этого момента я видел только журналы и комиксы, которые нам вместе с газетами доставляли на дом. Я не представлял себе, что их можно покупать отдельно — я думал, что

они неотделимы от газет. «Покупать» — вот ключевое слово. Для этого нужны деньги. Будь у меня много рупий, я купил бы все книги в этом магазине.

Вернувшись в ресторан, я только и делал, что перебирал только что купленные журналы. Дома я не мог заснуть: хотелось читать и читать. В школе я не мог сосредоточиться: хотелось вернуться домой и опять читать. Чем больше журналов и комиксов я читал, тем больше мне этого хотелось. Со временем наваждение только усугублялось. Если родители спрашивали, что мне купить, я всегда просил книги.

Но нельзя же покупать книги бесконечно. Должен быть какой-то предел. Поэтому семья запланировала мой первый визит в библиотеку. Она находилась в пяти километрах от нашего дома, и по пути туда я чувствовал себя как астронавт в своем первом космическом полете. Когда мы вошли в библиотечный зал, интеллектуальное возбуждение, которое я испытал при виде такого огромного количества книг, превзошло все пределы, известные моему детскому уму. Глядя на библиотекаря, я подумал, что он самый счастливый человек на свете — ведь он может все это читать! Однако на его лице не было улыбки.

Почти каждый день я по несколько часов проводил в читальном зале, а потом еще брал пару книг домой. К следующему дню они были уже прочитаны; я возвращал их и брал две другие взамен. Больше двух в одни руки брать запрещалось.

Однажды библиотекарь спросил:

— Ты правда успеваешь прочитывать две книги за один день?

— Правда.

— К чему такая спешка? Можно ведь спокойно наслаждаться чтением, никуда не торопясь.

— Дядя, я ими наслаждаюсь. Просто хочу прочитать все, что здесь есть.

Он рассмеялся:

— Этого еще никто никогда не делал.

Библиотекарь был прав. Мне так и не удалось прочитать все книги в детском отделе. Однако через два года, после того как я провел там массу времени, извел двенадцать библиотечных карточек, взял и вернул порядка 1400 книг — он подарил мне коробку цукатов.

Во многих сказках из тех, что я находил в журналах и книгах, главными героями были боги; они наповал сражали демонов, показывали чудеса, дарили подарки и помогали тем, кто им молился. Такой герой появлялся и исчезал, когда хотел, умел менять свой облик.. и вообще делать все, что ему заблагорассудится. Конечно, я принимал все истории за чистую монету. Я стал строить свой мир — вокруг Бога, с Богом, в Боге. Мне хотелось увидеться с ним и поговорить. Мне не нравилось, что он невидим. Может быть, он приходил к людям когда-то раньше, а сейчас его уже невозможно увидеть? Однако мои рассуждения нарушил один случай.

.....

Я стал строить свой мир —
 вокруг Бога, с Богом, в Боге.
 Мне хотелось увидеться с ним
 и поговорить. Мне не нравилось,
 что он невидим.

Как-то вечером я долго играл на улице, а потом пришел домой и застал маму читающей толстую книгу перед алтарем. Я обнял ее и поцеловал.

— Ма, что ты читаешь?

— Рамчаритманы. Истории Господа Рамы.

— Ты разве еще не дочитала их? Я всегда вижу тебя с этой книгой.

Мама засмеялась:

— Это наша священная книга, сын, она же о Боге. Каждый раз, когда я ее читаю, в ней обнаруживается что-то новое.

— Значит, Рама — это Бог?

— Да.

— А как же тогда Шива и Кришна? — я указал на два изображения на алтаре.

— Они — тоже Бог, тот же самый, просто с другими именами и в других формах.

— А где он сам? Почему я не вижу его в реальной жизни?

— Он везде. Его видят те, у кого чистое сердце и кто ему поклоняется.

— Ну, вот ты ему поклоняешься. Почему ты его не видишь?

— Мое поклонение не самое чистое. Иногда мне приходится лгать, а Бог не любит лжи. Его видят только те, кто всегда следует за истиной.

— А почему тебе приходится лгать? А я его тоже могу увидеть?

— Можешь, — ответила мама и пересказала мне историю о пятилетнем принце по имени Дхурва, который пошел в лес молиться Богу Вишну и увидел проявление Божественного образа. Меня пробрала дрожь.

— Можно я тоже почитаю эту книгу?

— Можем почитать ее вместе.

— Нет, вместе не надо. Просто помоги мне, если я застряну.

В тот день мама читала последнюю главу Рамчаритман под названием «Уттар Канд», и я посмотрел ей через плечо на открытую страницу. Мама пояснила, что это «Рудраштакам», восхваление Господа Шивы. Текст был написан на простом санскрите. Поскольку в санскрите применяется тот

же алфавит, что и в языке хинди, я начал читать. Через несколько предложений я увидел незнакомое длинное слово: «саффурна-маули-калолини-чаруганга». Мама объяснила, как его правильно произносить, и сказала, что оно означает «из спутанных локонов на голове Шивы извергается прекрасная Ганга».

Я не знал, что такое восхваление, но меня захватили ритм и звучание этих слов. Мне показалось, будто что-то растворяется внутри. На тот момент я знал массу различных детских радостей — от поглощения конфет до запретного ночного бодрствования — и был в целом счастливым ребенком; но это чувство оказалось совсем новым. То была не волна счастья, которая накатывает и откатывает, а мягкое течение реки — реки странной радости. Мне показалось, что я только что почувствовал Бога. Я впервые поверил в то, что его можно увидеть.

Обычно я спал в комнате у мамы и перед сном просил ее рассказать историю. В тот вечер мама поведала мне о Кришне и его друге детства Судаме. Кришна очень любил своего друга и, увидев, что тот прозябает в нищете, в мгновение ока подарил Судаме достаток и благополучие. Тронутый этим красивым сюжетом, я заснул с мыслями о Боге и убеждением в том, что он действительно существует.

Ночью мне приснился Шива, светлокожий, с синеватым горлом. У него были изящные черты лица, тонкий нос и полные красные губы. Длинные мочки его ушей украшали серебряные серьги. Спутанные локоны были связаны в узел на макушке головы, а на широких плечах блестели капельки воды — как будто он только что спустился со снежных Гималаев и у него на коже растаяли снежинки. В одной из этих капель я увидел свое отражение. Шива смотрел на меня с мягкостью и любовью.

«Я пришел повидаться с тобой», — сказал он.

«О, ты Господь Шива. Ты должен познакомиться с моей мамой».